

«Громадное государственное значение флота на Каспии, к сожалению, плохо учитывается на берегу». Памятка А. И. Сергеева о возрождении Каспийской военной флотилии в составе ВСЮР и ее действиях в 1919 г.

Публикация В. Б. Лобанова

**Лобанов
Владимир Борисович,**
кандидат
исторических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
лесотехнический
университет
им. С. М. Кирова
(Санкт-Петербург,
Россия)

История воссоздания русских военно-морских сил на Каспийском море в 1919 г. довольно примечательна и отражает общие тенденции формирования белогвардейских вооруженных сил в России на протяжении всего периода Гражданской войны и их взаимодействие с «союзниками» — британцами. В начале 1919 г. XI и XII армии сначала Южного, а затем Каспийско-Кавказского фронтов РККА потерпели поражение¹ в ходе Северокавказской операции Добровольческой армии. В результате этого белые части вышли на побережье Каспийского моря. Естественно, возник вопрос о создании здесь военно-морских формирований. Однако ситуация осложнялась тем, что здесь уже существовала сила, контролировавшая море. Еще в ходе Первой мировой войны британцы перебросили сюда катера с Месопотамского фронта, а затем приступили к вооружению русских торговых судов, взятых в Баку. В начале 1919 г. они организовали в Петровске, переименованном горскими деятелями в Шамиль-Калу, и на о. Чечень, военно-морскую и воздушную базу, тем самым закрепив за собой господство на побережье Дагестана и Терека. Британские морские силы возглавил коммодор² Д. Норрис³. Видимо, в планы британцев входила оккупация этих территорий, однако здесь уже были сосредоточены части старой Русской армии, которые под давлением «союзников» вынуждены были покинуть Азербайджан в марте 1919 г. Их возглавил бывший командующий русским Кавказским фронтом Первой мировой генерал от инфантерии М. А. Пржевальский⁴. Все попытки британцев удалить эти силы из региона закончились неудачно. Вероятно, британцам

было невыгодно окончательно портить отношения с теми, кто считался их формальным союзником. Они с большим трудом сдавали свои позиции в регионе, желая использовать распад Российской империи в своих экономических интересах.

В этой связи публикуемая «Памятка» капитана 1 ранга, а затем контр-адмирала А. И. Сергеева⁵, предназначавшаяся, видимо, главному ВСЮР генералу А. И. Деникину, является, в какой-то мере, заочной полемикой с флаг-капитаном Каспийской военной флотилии К. К. Шубертом⁶. Представляется наиболее вероятным, что в основе ее лежал субъективный фактор, а именно — борьба за власть. Будучи оба капитанами 1 ранга, они могли с одинаковым успехом претендовать на власть во флотилии. Тем более, что у К. К. Шуберта, судя по той же «Памятке», были покровители в региональном белом руководстве, а именно Главногоначальствующий и командующий войсками Северного Кавказа генерал от кавалерии И. Г. Эрдели⁷ и командующий Астраханским отрядом войск Северного Кавказа генерал Д. П. Драценко⁸. С другой стороны, в основе этой полемики могло лежать разное понимание влияния британского фактора на ход операций белогвардейских сил на Кавказе вообще и на Каспии в частности. К. К. Шуберт в качестве одной из причин натянутых отношений с А. И. Сергеевым называл то, что последний «не одобрял занятой мною независимой позиции по отношению к англичанам...»⁹ Выводы, которые сделал каперанг К. К. Шуберт после переговоров с Д. Норрисом, были неутешительны: «... 2. Англичане не желают, да и не могут рисковать ради нас своими людьми, в настроении коих сами далеко не уверены. 3. Взятие нами Астрахани, и в особенности овладение нами Красным флотом, для них совершенно нежелательно, ибо тогда мы сразу становимся вдвое сильнее их, опираемся на отличную базу и получаем владение морем. 4. Главная цель их — владение краем для выкачивания из него в метрополию всех богатств, главным же образом нефти; борьба с большевизмом ведется ими здесь постольку, поскольку большевики мешают их собственным планам»¹⁰. Это в какой-то мере подтверждается тем, что после доклада на имя А. И. Деникина от 30 декабря 1919 г. каперанг А. И. Сергеев уже 21 января 1920 г. пишет фактически если не донос, то своего рода отрицательный отчет британскому представителю на Каспии на свое непосредственное командование¹¹. Письмо в некоторой мере дублирует то, что писал А. И. Сергеев в белую ставку. Одновременно с этим он поднимал вопрос о том, чтобы британцы повлияли непосредственно на командование ВСЮР относительно Каспийской военной флотилии и ситуации в Прикаспии в целом. В период поражения южнорусского Белого движения на рубеже 1919–1920 гг. такого рода письма не только подрывали моральный дух ВСЮР и нарушали военную субординацию, но и наносили прямой ущерб репутации антибольшевистского движения, как самостоятельной вооруженной и политической силы.

Публикуемая «Памятка» хранится в Государственном Архиве Российской Федерации в личном фонде генерала А. И. Деникина Ф. Р–5827. Оригинальный текст представлен в виде машинописной рукописи. Орфография документа сохранена. Все даты приводятся по старому стилю.

**Памятка А. И. Сергеева о возрождении Каспийской военной флотилии
в составе ВСЮР и ее действиях в 1919 г.**

7 марта [1919 года] приказом Главнокомандующего ВСЮР [генерала А.И.Деникина] я был назначен начальником Каспийской военной флотилии.

Зная, что первый эшелон под начальством кап.[итана] 2 ранга Пышнова¹² уже находится в пути, я старался использовать время, оставшееся до ухода первого парохода в Новороссийск на ознакомление с обстановкой в Каспии, выяснение потребностей и набор личного состава.

Штаб [вице]-адмирала Канина¹³ находился тогда под впечатлением неудач на фронте, большевистской агитации в самом Севастополе и толков о возможном возобновлении большевистского террора в этом городе.

Естественно, что в этих условиях ничего путного от него добиться я не мог: были кое-какие сведения о большевистском выступлении в Баку, состоявшемся в Баку 1 марта [1919 года], о разоружении судов и об английском контроле.

Решив разобраться во всем на месте, через десять дней я направился по назначению.

Незадолго перед моим отъездом во флаг-капитаны ко мне napросился кап.[итан] 1 ранга Шуберт. Его я взял так сказать на пробу, по просьбе [вице]-адмирала Канина, за отсутствием сколько-нибудь пригодных для этой должности штаб-офицеров.

Прибыв в Екатеринодар, выяснил, явившись [вице]-адмиралу Герасимову¹⁴, что Пышнов пробирается через Старо-Теречную, так как железнодорожный путь на Петровск прерван чеченским восстанием.

Заговорил о своих правах и даже подал об этом рапорт, но мне было указано, что права я приобретаю себе на месте.

Собрав в общем около 20 офицеров в Севастополе, Новороссийске и Екатеринодаре, 3 апреля [1920 года] я тронулся с ними в путь, завершившийся прибытием 15 апреля [1920 года] в Старо-Теречную. Путь был сопряжен с большими трудностями. Сначала надеялись от ст. Шелковской пробраться на пароме на Хасав-Юрт, но разведкой выяснили, что паромы сожжены чеченцами и переправы нет. Тогда направились на Кизляр, где ввиду разрушенного моста через Таловку пришлось самим устраивать переправу. Соорудив паромы, перебросили на них грузовики на другой берег и тронулись дальше, поминутно завязая в топкой местности.

В Старо-Теречной вздохнули свободно, устроившись в старом тифозном бараке. В море шторм и отсутствие каких-либо плавучих средств для переправы в Петровск¹⁵.

Решил отправить рыбницу¹⁶ на Чечень с тем, чтобы оттуда, при посредстве англичан, послать телеграмму генералу Пржевальскому с просьбой о присылке за нами парохода. Рыбница вернулась, а вслед за ней 17 апреля [1920 года] прибыл на моторном катере «Владимир» английский комендант о-ва Чечень лейтенант Крид. Англичанин держался сначала

покровительственного тона, но потом мало-помалу становился все любезнее и любезнее. Впоследствии мы расстались с ним большими друзьями и, оставляя Каспий, он даже просил взять его на службу по возвращении из Англии. С ним на «Владимире» я послал флаг-капитана кап[итана] пе[рвого] ранга Шуберта, приказав связаться с Петровском и добыть средства для доставки эшелона в этот порт. Однако Шуберт распространил свои полномочия дальше, чем следовало.

Прибыв на Чечень и застав там командующего британским флотом коммодора [Д.] Норриса, он отправился на флагманский корабль и начал дипломатические переговоры, на каковые никто его не уполномочивал. Впоследствии, в интимном разговоре с Норрисом, мне удалось узнать, что Шуберт сделал ряд бестактных вопросов и предложений. Этот визит заочно восстановил против меня Норриса, и позднее стоило больших трудов, чтобы он стал относиться ко мне с доверием и уважением, а еще позднее и дружественно.

Прибыв в Петровск, Шуберт прежде всего постарался о популяризации своего имени. Был устроен ряд попок, в которых принимали участие и сухопутные и морские чины.

На этих попойках раньше моего прибытия в Петровск уже говорилось в присутствии младших моих офицеров о том, что я де человек не подходящий и что приняты некоторые меры, чтобы я «слетел».

Таким образом, прибыв в Петровск 26 апреля [1920 года], я встретил сразу несколько недоверчивое отношение со стороны сухопутных и частью морских чинов.

Интрига, в центре которой был Шуберт, ширилась, приобретаю все новых и новых участников. Выписанное по настоянию Шуберта отделение морской контрразведки или так называемое «особое отделение» во главе с капитаном Мусиенко и подчиненными ему офицерами капитаном Миляшкевичем и поручиком Попандопуло содействовали Шуберту по мере сил и возможности в его начинаниях. В этой атмосфере проходила первоначальная работа по организации Каспийской военной флотилии.

Встречая противодействие со стороны англичан, получивших определенные инструкции — не допускать восстановления Русского флота на Каспийском море, имея в своем ближайшем помощнике врага и претендента на мое место, чувствуя недоброжелательство сухопутных чинов гарнизона, — я начал работу по улучшению взаимоотношений с англичанами и по вооружению и ремонту случайно доставшихся катеров. Прибытие генерала Драценко, совместные с ним и Норрисом совещания о действиях против астраханских большевиков, конец существования так называемой Горской республики¹⁷ — вот то, что дало первоначальный толчок делу возрождения флота.

К этому времени Шуберт совершил ряд недисциплинарных поступков, за что я сделал ему выговор. Он обиделся, я собирался его отправить в распоряжение начальника морского управления, он подал рапорт о болезни, отпуске и отчислении. Я согласился. Одновременно, желая помочь генералу Драценко, я приказал Пышнову забрать ряд парусных рыбацких

судов, вооружив их пулеметами, укомплектовать наличным числом чинов обоих эшелонов и двинуться в Брянск¹⁸ для содействия по подвозу продовольствия морем от Брянска до Берюзьяка, а если понадобится, то и дальше. Пришел Пышнов и хлопотал, чтобы Шуберт был назначен начальником сооружаемой экспедиции, а что он охотно пойдет ему в помощники. Я объяснил Пышнову, что держать ближайшим помощником Шуберта после ведения против меня интриг не имею намерения, но что согласен на назначение его начальником экспедиции особого назначения. После этого болезни Шуберта как не бывало. Он ретиво принялся за дело и 18 мая экспедиция на буксире «Восток» вышла из Петровска. В нее вошли катера «Успех» и «Петровск» и 10 рыбниц. На вооружение пошли одни пулеметы и ружья, так как пушек у нас не было.

О присылке мелкокалиберной артиллерии я все время просил морское управление, но получал отказ, так как все морские пушки были установлены на бронепоездах. Тем временем стратегическая обстановка складывалась следующим образом: части генерала Драценко стали продвигаться вперед; попутно по мелководью вдоль побережья надо было перебрасывать интендантские грузы. Нагрузившись в Брянске (в Тушиловке) экспедиция Шуберта вышла в Берюзьяк. Выбор времени и курса был неудачен. Шуберту, не имевшему другого вооружения, кроме пулеметов, следовало выйти с рассветом и идти днем вплотную к берегу, пользуясь мелководьем как естественным защитником. Меж тем он шел вечером, имея отвратительные компасы, и в полночь очутился в 15–16 милях к востоку от Берюзьяка. Здесь он решил стать на якорь и, играя в адмирала, приказал поднять фонарь. Ни для кого не секрет, что в районе действий противника скрываются на судах все огни, сигнализация же производится особыми сигнальными фонарями с ограниченным углом освещения. Понятно, что, оказавшись вблизи сторожевой, большевистский корабль тотчас открыл по фонарю орудийный и пулеметный огонь, на что наши отвечали из пулеметов. Недостаточная настойчивость большевиков и отменная храбрость молодых командиров рыбниц спасли положение, а экспедиция, хотя и в разброд, но вернулась в Брянск, отделавшись повреждением одной из рыбниц и тяжелым ранением двух офицеров. Сам Шуберт во время столкновения вел себя непристойно.

Как и следовало ожидать, авантюра кончилась полной неудачей, и потребовалось много времени для того, чтобы Шуберту удалось, оправившись, пробраться на Берюзьяк, а оттуда в Логань вслед за приходом туда частей генерала Драценко.

Еще во время петровского нашего совещания с этим последним я сомневался в успехе каких бы то ни было активных действий наших на море до тех пор, пока мы не получим артиллерийского вооружения и дал обещание только содействовать перевозке грузов. Однако, Шуберт имел с генералом отдельный разговор, и генералу импонировала его активность и самонадеянность. При дальнейшем продвижении отряда генерала Драценко его казаками и склянинскими партизанами¹⁹ были захвачены в одном из ильменей три

большевистских парохода: «Екатерина», «Ретвизан» и «Сыновья». Состав экспедиции Шуберта перешел на эти пароходы и на них были установлены горные пушки. С этого времени начинают приходить от Шуберта непрерывные просьбы о присылке всякого рода снабжения и вооружения для Логани, как базы, и для отряда генерала Драценко. Естественно, не имея требуемых предметов под рукой, я должен был их откуда-то доставать, что, при существовавших средствах сообщения было крайне затруднительно, а подчас и просто невозможно. Между тем Шуберт информировал генерала Драценко так, что выходило, будто я все имею, но умышленно задерживаю. Генерал Драценко присылал мне требования, сопровождаемые угрозами отдачи под суд, бомбардировал жалобами на меня генерала Эрдели, генерал Эрдели присылал мне угрозы из Пятигорска, но от этого дело ничуть не выигрывало: я высылал все, что в состоянии был достать, но сделать больше того не был в силах.

Видя, что первоначальная задача — «помогать сухопутному транспорту подвозом части интендантских грузов», независимо от моего мнения и имевшихся у меня средств резко изменена, причем, на меня легло не только снабжение судов флотилии, но и всего отряда генерала Драценко, имея донесения, что наши вооруженные пулеметами рыбницы продвинулись до с. Воскресенского, я стал изыскивать способы для поддержки уже затеянного дела, отнюдь не рассчитывая на успех. Я прекрасно сознавал, что большевики, имея в своем распоряжении многочисленные глубоко и мелкосидящие суда, с сильной морской артиллерией, укомплектованные знающим морское дело личным составом в любой момент могли смести отряд Шуберта.

Тем не менее, надо было помогать, и помогать при наличии под боком эскадры коммодора Норриса, взявшего контроль над судоходством в свои руки, имевшего определенные директивы по противодействию нашим начинаниям и поддерживавшего Азербайджан, не желавший выпускать из Баку судов, пригодных для вооружения.

Снесшись с командиром бакинского порта и директорами пароходств, я командировал в Баку одного ловкого офицера, которому удалось вывести оттуда последовательно колесные пароходы: «Араг», «Кизил-Агач» и катер «Нарген» («Доброволец»), «Кизил-Агач» оказался непригодным для вооружения, пушек по-прежнему не было и Морское управление в присылке их отказывало.

Пустил «Кизил-Агач» в оборот как транспорт. В первый же рейс он доставил в Логань большое количество интендантского груза и тем должен был спасти отряд генерала Драценко от голода. Но, увы, отряд этот в это время уже не был стоек и в скором времени, после измены некоторых частей был вынужден к отступлению, принявшему панический характер. Паника передалась и Шуберту, так как одновременно с резким отходом сухопутных частей к югу от Логани на видимость этой последней пришли 5 большевистских пароходов, заблокировали выход и начали бомбардировку.

«Екатерина» со своей горной пушкой пробовала было прорваться, но, конечно, безуспешно. Удалось уйти мелководным фарватером только «Ретвизану», «Екатерина» была сожжена, «Сыновья» выбросился на берег, личный состав спасся на рыбацких.

Так кончилась авантюра, предпринятая без должной подготовки.

Незадолго до печального конца первого наступления, Норрис, успевший со мной сдружиться, чему много способствовало временное прибытие в Петровске контр-адмирала А. Д. Бубнова²⁰ и наши совместные переговоры, радостно сообщил мне о полученных инструкциях передать нам два корабля, а именно «Азия» и «Орленок».

Я был вне себя от восторга. Норрис явился ко мне с чинами своего штаба и вручил Андреевский флаг, спущенный 1 марта [1920 года] на «Орленке». На следующий день я отправился на «Крюгер», чтобы пригласить Норриса и его штаб к себе обедать. Я застал его в большом смущении. Отозвав меня в сторону, он сообщил, что только что получил отменительную телеграмму. Хотя мне до глубины души было горько и противно, я не подал вида, сказал, что Добр[овольческой] армии пришлось за последнее время перенести не один нравственный удар, что мы вообще спелись, и что это, совершенно от него не зависящее распоряжение, надеюсь, не лишит меня удовольствия принять его и его штаб у себя. Норрис очень благодарил, обещал быть непременно, поделиться со мной своими личными предположениями о причинах отмены передачи судов, поставив их в прямую зависимость от продолжающегося пребывания наших частей в Дербенте, несмотря на протест Азербайджана, поддерживаемого Англией. После обеда, бывшего у меня, Норрис сказал мне: «Знаете ли что. Они запрещают мне передать вам суда, но ничего не говорят о пушках, пришлите завтра приемщика, и я передам вам 4 76 мм орудия и 1200 снарядов к ним». Я поблагодарил, пушки принял и стал делать подкрепления под установку двух из них на «Араге».

При техническом нашем убожестве работы велись с большими затруднениями; еще при моем отъезде из Екатеринодара к месту назначения я, особым рапортом, просил адмирала Герасимова перевести в Петровск весь состав эвакуированного тогда из Николаева военного порта. Позднее было получено телеграфное извещение, что адмирал на моем рапорте положил резолюцию «согласен» и что распоряжения о переводе личного состава николаевского порта в Петровск были сделаны. Однако до настоящего времени ни одного человека оттуда я не получил.

Хозяину дома, в котором я квартировал, получившему высшее техническое образование в Бельгии, я поручил быть портовым корабельным инженером и механиком. Невзирая на отсутствие у него специально-морских познаний, он ретиво принялся за дело, приносил мне на просмотр чертежи и через три недели «Араг» был готов. Инструменты мы добывали всяческими ухищрениями, откуда возможно начав дело с пары щипцов. Материалы доставать было тоже затруднительно. Когда «Араг» изнемогал в борьбе, и нужно было срочно послать ему на подмогу только что добытую «Надежду», понадобилось два листа железа

под орудийные установки. Зная, что в железнодорожном складе Петровска-Кавказского имеются как раз подходящие листы, лежащие без употребления, обращались с рядом настойчивых просьб об их уступке нам хотя бы временно, пока не приедет командированный в Грозный офицер, но все было тщетно. Тогда я послал вооруженную команду при офицере, листы были добыты, «Надежда» вооружена, наша боевая работа у устья Волги стала действительной, но отношения с железнодорожниками и местным комендантом станции были испорчены.

Возвращаясь к периоду первых неудач генерала Драценко и отступлению его частей, должен сказать, что он как раз совпал со временем работ по вооружению «Арага».

Между тем Шуберт информировал генерала о том, что суда в Петровске уже готовы и что я их почему-то там задерживаю и не выпускаю. Опять взаимное непонимание, угрозы преданию суду и т.д.

Для укомплектования «Арага» я требовал от Шуберта часть бывших у него в распоряжении кадровых офицеров, но он не только не исполнял моих приказаний, но искал поддержки генералов Драценко и Эрдели и на все я получил отказ и контртребования.

Только после панического бегства Шуберта из Логани мне удалось сместить его, и никто уже за него не заступался больше.

Изготовив «Араг», я пошел на нем на север. Генерал Драценко с остатками своего отряда был в это время в Берюзяке. Я свиделся с ним там, «Араг» обстрелял у о. Четырехбугорного два большевистских вооруженных парохода и наши действия на море вступили в новую эру.

Отлично сознавая, что при новом наступлении сил у нас будет недостаточно, что, по условиям местности, питание отряда, наступающего вдоль берега, к которому транспорта в лучшем случае могут подходить на 5 миль, будет чрезвычайно тяжело, я не давал себе времени задумываться над этими вопросами и продолжал организационную работу, встречая мало поддержки и много критики.

Второе наступление генерала Драценко сопровождалось новыми требованиями и угрозами по моему адресу. Красной нитью проходило непонимание обстановки, отвергались всякие расчеты и все сухопутные неудачи ставились от тех или иных действий флота. Азбучная истина, что суда с осадкой в 10–11 футов не могут ходить по глубинам в 7 футов никем не признавалась.

Ряд минных банок, поставленных большевиками, привел к последовательному подрыву на них «Арага» и «Надежды». Приходилось их замещать, но последние мелкосидящие суда, бывшие в Баку, зажимались там азербайджанцами, англичанами и пароходными обществами. Английская артиллерия наших судов не могла соперничать с имевшеюся в изобилии у большевиков русскою морскою артиллерией. Английские пушки били на недолетах, тогда как большевистские держали нас все время в накрытии. При всем том личный состав наш

отменно действовал и, мало по мало, попутно с вооружением новых судов и передачу англичанами своего флота все больше и больше упрочивал блокаду. Таким образом, когда отряд генерала Драценко вторично отступил, флот отстаивал свои позиции до замерзания 12-футового рейда.

Комплектование судов, добываемых в Баку и нами вооружаемых, равно как и судов, передаваемых англичанами, было сопряжено с редкими трудностями. Матросы брались преимущественно из астраханских беженцев, офицеры присылались с бронепоездов и из освобожденного от большевиков Севастополя. Эти последние в большинстве случаев служили у большевиков, приходилось их фильтровать и отсылать обратно.

Между тем, не желая задерживать приемку от англичан, я часто сам поднимал флаг и ставил суда, впредь до укомплектования, к стенке. По мере присылки небольших эшелонов с бронепоездов и из Севастополя дело комплектования понемногу налаживалось. Но тут пришлось натолкнуться на новое препятствие: англичане сдали суда в изношенном состоянии по котлам и механизму. Пришлось сразу приступить к сложным ремонтным работам при слабых технических средствах, развивая одновременно свои мастерские.

Обиходный инвентарь: матрасы, одеяла, тарелки, ложки, ножи, вилки, скатерти, кухонная посуда — все это было увезено англичанами с собой. На месте достать ничего нельзя было, началось паломничество в другие города, а пока что флотилия продолжала боевые действия, будучи лишена самого примитивного комфорта.

Считаясь с необходимостью противопоставить большевикам хотя бы небольшое число русских морских орудий, я просил о присылке таковых.

Адмирал Герасимов, стесненный ограниченностью в Черном море орудий, а главное снарядов, тем не менее, живо откликнулся на мое ходатайство и прислал 6 130 мм орудий и 2 100 мм с ограниченным числом снарядов к ним. Мы ликовали. Сняв с крейсера «Европа» 2 6-дюмовых английских орудия, я заменил их 130 мм. С трудом добытые баржи «Которост» и «Терек» последовательно были вооружены каждая парой орудий этого калибра и, наконец, 2 100 мм орудия пошли на вооружение колесного парохода «Ленкоранец», переименованного в «Князь Пожарский».

С появлением на 12-футовом рейде вооруженной баржи «Которост» наши силы на мелководье стали достаточными для продвижения к устью. До того большевистские суда и вооруженные баржи постоянно выходили из реки и вступали в бой с нашими судами, стоявшими в Логанской яме.

В ближайшие дни по приходе нашей баржи она на буксире «Добровольца» продвинулась на мелководье и стала сама командовать расстоянием, не стесненная мелководьем для свободного маневрирования.

Неприятельские суда были загнаны за Четырехбугорный, и инициатива действий на мелководье перешла к нам. Должен еще раз подчеркнуть, что красные имели в своем распо-

ряжении неисчерпаемый запас пароходов и барж с осадкой в 3–4 фута, тогда как мы с трудом добыли 4 парохода с осадкой от 6–8 футов и 2 из них подорвались на минных банках. Выманить красных на глубокую воду никак не удавалось; стреляли они в большинстве случаев на предельных дистанциях.

При отсутствии у нас мелкоосидающих судов позиции красных в Астрахани могла считаться неуязвимой с воды. Приезжавшие из Баку директора русских пароходных компаний много говорили о своем патриотизме, обещали дать любой из своих пароходов под вооружение, но из опасения потерять выгодную для себя линию сообщения Баку с Курюю ни одного из удобных для нас мелкоосидающих пароходов так и не прислали.

Стесненные мелководьем, мы, тем не менее, до конца выполнили задачу по защите правого фланга Астраханского отряда и по подвозу провианта. Попутно упорным крейсерством вдоль границы 12-футового рейда наши суда сильно препятствовали подвозу провианта и топлива к Астрахани. Ликвидация главных опорных пунктов этого подвоза, а именно киргизских большевистски настроенных аулов на о. Долгом и на так называемом Завороте в освещении местных уездных начальников, каковые не имели в своем распоряжении никаких сил для прекращения подвоза и не предпринимали никаких шагов к таковому прекращению и изъятию из обращения большевистской литературы, являлось просто разбойным нападением и влекла за собой судебное преследование. Пришлось объяснять подлежащим властям, что уничтожение большевистских аулов надо считать одним из эпизодов междоусобной войны. При содействии восточному Астраханскому отряду у Забурунья мы натолкнулись на антагонизм между начальниками сухопутных частей, отсутствие разграничения подчиненности начальников частей главнокомандующему ВСЮР и уральскому атаману и, наконец, на полное непонимание некоторыми сухопутными начальниками военно-морской обстановки. Вообще этим непониманием отличались все начальники сухопутных частей, действовавших на территориях, примыкающих к морю. Старая истина, имеющая целый ряд исторических подтверждений, с достаточной определенностью устанавливает абсолютную невозможность командования флотом с берега.

Такие исторические примеры, как Лисское поражение²¹ и развал австрийского флота под управлением гофкригсгерата, полный неуспех затеянной гениальным в сухопутной войне Наполеоном десантной операции к берегам Англии, Порт-Артурская эпопея, очевидно, вовсе забыты.

Одно время меня подчинили сразу трем начальникам, из коих два были сухопутные²², а один, хотя и морской²³, но находился настолько далеко от места моих действий, что трудно было при условиях часто прерывавшейся и вообще неисправно действовавшей связи сговориться. Кроме того, еще один генерал стремился добиться моего ему подчинения, а несколько других подчинения моих командиров, посланных в различные пункты побережья с определенными оперативными задачами. Естественно, что все это, в связи с тем

обстоятельством, что права мои, невзирая на мои просьбы, не были определены не только при отъезде к месту назначения, но и позднее, когда флотилия и ее значение широко развернулись, только мешало моей работе и лишь сознание исполняемого долга меня подкрепляло и подвигало.

Теперь посмотрим, что сделала восстановленная в десятикратном, против прежнего, размере Каспийская военная флотилия. Прежде всего, никакие действия против Астрахани не были бы возможны без содействия флотилии. Зажав за горло большевиков, ограничив район их действий лишь так называемым 12-футовым рейдом, мы тем самым обеспечивали торговому флоту свободу плавания по всему Каспийскому морю. За исключением дельты Волги все остальное побережье Каспийского моря могло бы мирно преуспевать и развиваться, если бы этому не препятствовали: борьба на местах, слабость сухопутных и административных сил для поддержки порядка и развивавшаяся до крайних пределов спекуляция.

Далее я утверждаю, что длительная осада Дербента, снятая благодаря лишь действию судовой артиллерии и поддержанной нами радиосвязи, могла бы, при успехе панисламистов и дагестанских повстанцев²⁴, привести к полному очищению нашими войсками Дагестана, занятию Чечни и дальнейшим действиям против Терской области. Сама наша база — Петровск давно сделалась бы объектом нападения при отсутствии боевого флота. Красноводск держится только присутствием на его рейде боевых судов, из коих одно недавно уничтожило противозаэропланном огнем большевистский разведывательный аппарат. Азербайджан давно выступил бы открыто против Добр[овольческой] армии²⁵, не будь у нас флота. Отрезав Баку от Астрахани, мы лишили весь приволжский район совдепии нефтяного топлива, остановили фабрики и пароходство.

Громадное государственное значение флота на Каспии, к сожалению, плохо учитывается на берегу. Казалось бы, боевой флот создан для боевой работы; работу эту выполняет исправно. Остается только радоваться и благодарить. Так нет же. По доносам людей, имеющих явно разрушительные намерения, личный состав флота обвиняется в большевизме, тогда как в наиболее опасный период всеобщей растерянности и упадка духа он проявляет наибольшую стойкость и уверенность в своей мощи и непоколебимости.

Пьяные скандалы, к сожалению, бывали. Но участники их все имеют славное боевое прошлое и ныне действуют в боевой обстановке бесстрашно и блистательно. Петровск для нас не тыл, а тот же фронт. Сюда приходят боевые суда прямо из-под ураганного неприятельского огня, чтобы отдышаться, почистить котлы и вновь идти в сферу огня...

Петровск — городишко, не дающий никаких здоровых развлечений. После двухмесячного пребывания в блокаде, где кроме боевых столкновений, воды и скверных жизненных условий они ничего не видят, попадая в Петровск, офицеры идут кутить, выпив, шумят и веселятся. Их грубо, без соблюдения законной формы ареста, применяемой к офицерам, арестовывают, ведут под конвоем солдат, и слова и контругрозы, вырывающиеся в порыве

возмущения и под влиянием винных паров, инкриминируются им как уголовное преступление. Я отнюдь не сторонник потакания пьянству и скандалам. Но мне кажется, что в отношении людей, обеспечивающих спокойствие тыла, людей, жизнь свою отдающих на служение Родине, надо быть более снисходительными и не подрывать окончательно и без того надорванные их нервы. Конечно, эти выводы чисто психологические, и, к сожалению, не всем понятна необходимость их применения. Однако я в своей жизни и службе неоднократно убеждался в том, что слепое следование букве закона влечет за собой скорее разрушительные, чем созидательные последствия. В связи с войной в Петровске упрочились разные разведывательные, контрразведывательные, и пропагандные организации. Желая оправдать свое существование и конкурируя между собой в отношении наилучшей осведомленности, они, пользуясь иногда сведениями, исходящими от низших, малокультурных агентов возводят муху в слона. Часто и муха сама по себе оказывается существующей только в воображении информирующего агента. Таким образом, создавалось нелестное мнение о флотилии и ее действиях. Мне пришлось, например, читать информацию отдела пропаганды о том, что в Каспийской военной флотилии замечается полный развал, как в боевом, так и в техническом отношении. Ну что против этого возразишь, когда на самом деле мы преуспевали в боях, развивали свои мастерские, поднимали затонувшие суда («Надежду» и «Московитянин») и приводили в порядок запущенные англичанами котлы и механизмы; в то же время техническая часть артиллерии тоже была на высоте.

Разбираясь во всех этих информациях, я пришел к выводу, что в тылу развелось много офицеров репортерского типа, деятельность коих не может быть полезной для Добр[овольческой] армии.

В заключение должен сказать, что мною и чинами флотилии сделано по долгу совести большое государственное дело в Каспийском море и пусть нас судит История.

А. Сергеев.

30/12-19.

ГАРФ. Ф. Р-5827. Оп. 1. Д. 154. Л. 1–14.

¹ О причинах военного поражения большевиков на Северном Кавказе на рубеже 1918–1919 гг. подробнее см.: Пученков А. С. Крутоголов Ф.Ф. Правда о Сорокине // Новейшая история России. 2012. № 3. С. 260–274.

² Коммодор (англ. Commodore) — в описываемый период воинское звание в британских королевских ВМС, выше звания капитана корабля (англ. Captain) и ниже контр-адмирала (англ. Rear Admiral).

³ Норрис Дэвид Томас (1875–1937) — коммодор, впоследствии адмирал. В описываемый период с сентября 1918 г. возглавлял Британскую каспийскую флотилию. С 1920 по 1921 гг. возглавлял британскую морскую миссию в Персии.

⁴ Пржевальский Михаил Алексеевич (1859–1934) — окончил Михайловское артиллерийское училище (1879), Михайловскую артиллерийскую академию и академию Генштаба (1888). Генерал от инфантерии. В описываемое время командовал с января 1919 г. частями бывшей Кавказской армии Л. Ф. Бичерахова (*Безугольный А.* Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. Неизвестные страницы истории Гражданской войны и интервенции на Кавказе. 1917–1919. М., 2011. С. 234.).

⁵ Сергеев Аполинарий Иванович (1872–1952) — окончил Морской корпус (1893). Капитан 1 ранга. В описываемый период с марта 1919 г. назначен во главе Каспийской военной флотилии. С февраля 1920 г. контр-адмирал.

⁶ Шуберт Константин Карлович (1876–после 1942) — окончил Морской корпус (1896). Капитан 1 ранга. В описываемый период с марта 1919 г. флаг-капитан Каспийской военной флотилии, начальник экспедиции особого назначения.

⁷ Эрдели Иван Георгиевич (1870–1939) — окончил Николаевский кадетский корпус (1887), Николаевское кавалерийское училище (1890), академию Генштаба (1897). Генерал от кавалерии. В описываемый период — с апреля 1919 г. главноначальствующий и командующий войсками Терско-Дагестанского края (Северного Кавказа). В марте 1920 г. командующий войсками Владикавказского отряда.

⁸ Драценко Даниил Павлович (1876–1945) — окончил Одесское пехотное училище (1897), академию Генштаба (1908). Полковник. С 1917 г. генерал-майор. В описываемый период с мая 1919 г. командующий Астраханским отрядом войск Терско-Дагестанского края.

⁹ Шуберт К. К. Русский отряд парусных судов на Каспийском море // Флот в Белой борьбе. М., 2002. С. 342.

¹⁰ Военные моряки в борьбе за власть Советов в Азербайджане и Прикаспии: 1918–1920 гг. Сборник документов. Баку, 1971. С. 118.

¹¹ Лобанов В. Б. К истории военного взаимодействия Белой Каспийской военной флотилии и британского командования. По материалам контр-адмирала А. И. Сергеева // Кортик. 2011. № 13. С. 80–82.

¹² Пышнов Борис Михайлович (1881–1953) — окончил Морской корпус (1902). В описываемый период с марта 1919 г. на Каспийском море. Занимаемые должности: командир вспомогательного крейсера «Азия», начальник отряда морских судов КВФ, с конца 1919 по апрель 1920 г. — начальник штаба КВФ. Интернирован в Энзели.

¹³ Канин Василий Александрович (1862–1927) — окончил Морской корпус (1882). Вице-адмирал. В описываемое время по март 1919 г. командовал Черноморским флотом ВСЮР.

¹⁴ Герасимов Александр Михайлович (1861–1931) — окончил Морской корпус (1882), Михайловскую артиллерийскую академию (1892). Вице-адмирал. В описываемый период был начальником Морского управления ВСЮР.

¹⁵ Петровск — портовый город на территории тогдашней Дагестанской области. Переименован в 1921 г. в Махачкалу в честь дагестанского революционного деятеля Махача Дахадаева, погибшего в 1918 г.

¹⁶ Рыбница — рыболовецкое судно относительно больших размеров, обычно палубное, встречающееся в Каспийском море. Имеет длину от 11 до 20 м и грузоподъемность от 15 до 60 т.

¹⁷ Горская республика — государственное образование на территории Северного Кавказа в годы Гражданской войны. В описываемый период была провозглашена в мае 1918 г. в Батуми, фактически существовала с октября 1918 по май 1919 г. в некоторых районах Дагестана.

¹⁸ Брянск — населенный пункт на побережье Каспийского моря.

¹⁹ Склянин Иван Павлович (1883–1920) — штабс-капитан Русской армии, в описываемый период командовал отрядом белых партизан на астраханском направлении.

²⁰ Бубнов Александр Дмитриевич (1883–1963) — окончил Морской корпус (1903). Контр-адмирал. В описываемое время с августа 1919 г. начальник штаба Черноморского флота ВСЮР.

²¹ Лисское поражение — битва при Лиссе, морское сражение в ходе австрийско-итальянской войны 1866 г. Первое в истории сражение броненосных эскадр, место действия – Адриатическое море у побережья современной Хорватии. Победа Австрии.

²² Генералы И. Г. Эрдели и Д. П. Драценко.

²³ Адмирал А. М. Герасимов.

²⁴ Подробнее о восстании в Дагестане в 1919 г. и участии Каспийской военной флотилии ВСЮР в его подавлении см.: Лобанов В. Б. История антибольшевистского движения на Северном Кавказе, 1917–1920: на материалах Терека и Дагестана. СПб., 2013. С. 291–292.

²⁵ О сотрудничестве Горской и Азербайджанской республик в 1919 г. в борьбе против ВСЮР на Северном Кавказе см.: Пученков А. С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). СПб., 2012. С. 110–138, 151.

Лобанов В. Б. Памятка А. И. Сергеева о возрождении Каспийской военной флотилии в составе ВСЮР и ее действиях в 1919 г. // Новейшая история России. 2015. № 2. С. 232–245.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С. М. Кирова (Санкт-Петербург, Россия); lobanov19772009@yandex.ru

A. I. Sergeev's Memoirs about Caspian flotilla restoration within Armed Forces of South Russia and its activity in 1919

A publication by V. B. Lobanov

AUTHOR: Candidate of History, Associate Professor, St. Petersburg State Forest Technical University (St. Petersburg, Russia); lobanov19772009@yandex.ru

REFERENCES:

¹ Puchenkov A. S. 'Krutogolov F.F. Pravda o Sorokine' in *Novejshaya istoriya Rossii*, 2012, no. 3.

² Bezugolnyi A. *General Bicheraxov i ego Kavkazskaya armiya. Neizvestnye stranicy istorii Grazhdanskoj vojny i intervencii na Kavkaze. 1917–1919* (Moscow, 2011).

³ Shubert K. K. 'Russkij otryad parusnyx sudov na Kaspijskom more' in *Flot v Beloj bor'be* (Moscow, 2002).

⁴ *Voennye moryaki v bor'be za vlast' Sovetov v Azerbajdzhane i Prikaspii: 1918–1920 gg. Sbornik dokumentov* (Baku, 1971).

⁵ Lobanov V. B. 'K istorii voennogo vzaimodejstviya Beloj Kaspijskoj voennoj flotilii i britanskogo komandovaniya. Po materialam kontr-admirala A. I. Sergeeva' in *Kortik*, 2011, no. 13.

⁶ Lobanov V. B. *Istoriya antibol'shevistskogo dvizheniya na Severnom Kavkaze, 1917–1920: na materialax Tereka i Dagestana* (St. Petersburg, 2013).

⁷ Puchenkov A. S. *Nacional'naya politika generala Denikina (vesna 1918 – vesna 1920 g.)* (St. Petersburg, 2012).